

3. Глава украинского СНБО призвал Польшу, Грузию и Молдавию вступить в войну с Россией [Электронный ресурс] // RuPosters. – 2022. – 27 марта. – Режим доступа: <https://ruposters.ru/news/27-03-2022/glava-ukrainskogo-snbo>. – Дата доступа: 17.04.2022.
4. Деятельность ГУАМ на постсоветском пространстве: намерения, результаты, перспективы / Д.А. Белашенко [и др.] // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14. – № 3. – С. 84–105.
5. Казакова, А. Киев поссорился с Грузией из-за антироссийских санкций [Электронный ресурс] / А. Казакова // РИА Новости. – 2022. – 2 марта. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220302/gruziya-1775899557.html>. – Дата доступа: 17.04.2022.
6. Маркедонов, С. М. Украинский кризис: воздействие на постсоветские конфликты / С.М. Маркедонов // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2. – № 2. – С. 951–962.
7. Молдова не будет принимать военного участия в конфликте в Украине – президент [Электронный ресурс] // Интерфакс-Азербайджан. – 2022. – 2 марта. – Режим доступа: <http://interfax.az/view/860528>. – Дата доступа: 17.04.2022.
8. Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 2 вересня 2015 року “Про нову редакцію Воєнної доктрини України” [Электронный ресурс] : Указ Президента України, 24 вересня 2015 року, №555/2015 // Президент України Володимир Зеленський. Офіційне інтернет-представництво. – Режим доступу: <https://www.president.gov.ua/documents/5552015-19443>. – Дата звернення: 17.04.2022.
9. Российские миротворцы установили контроль над территорией Нагорного Карабаха [Электронный ресурс] // Известия. – 2022. – 28 марта. – Режим доступа: <https://iz.ru/1311384/2022-03-28/rossiiskie-mirotvortcy-ustanovili-kontrol-nad-territoriei-nagornogo-karabakha>. – Дата доступа: 17.04.2022.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС КАК КАТАЛИЗАТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Д.А. Белашенко, В.В. Сикираж (Нижний Новгород)

В XXI в. постсоветское пространство претерпевает значительные изменения, связанные как с развитием внутренних процессов, так и с влиянием внешних факторов. За два с небольшим десятилетия регион столкнулся с фрагментацией и фактическим расколом на основе противостояния европейского и евразийского интеграционных проектов («дилемма интеграций»), многочисленными удачными и неудачными (с точки зрения организаторов) цветными революциями, эскалацией замороженных конфликтов и возникновением новых «горячих точек», территориальными изменениями и прочими серьезными потрясениями. Апофеозом трансформаций, происходящих на постсоветском пространстве, безусловно, стал Украинский кризис, вышедший далеко за географические рамки бывшего СССР. Антиконтитуционный переворот в Украине в 2014 г. и последовавшие за этим события в Крыму и Донбассе, а также действия внешних (в т.ч. внерегиональных акторов) выступили в качестве триггера этапа турбулентности как внутри страны, так и в рамках существующего миропорядка и современной системы международных отношений.

Предпосылки кризиса и последовавшего резкого ухудшения российско-украинских отношений можно проследить еще до Евромайдана, начавшегося в ноябре 2013 г., когда украинская власть во главе с президентом В.Ф. Януковичем балансировала между присоединением к Таможенному союзу в рамках

евразийской интеграции и подписанием Соглашения об ассоциации с ЕС. Кроме того, при президенте В.А. Ющенко Украина активизировала процесс по вступлению в НАТО. Подобные перспективы, угрожавшие безопасности России и стабильности ситуации на постсоветском пространстве, способствовали эскалации напряженности между Москвой и Киевом [4].

События 2014 г. существенно повлияли как на отдельные процессы и тенденции на постсоветском пространстве, так и на ситуацию в регионе в целом. Кроме того, активное вовлечение США и ЕС в Украинский кризис неизбежно активизировало их более пристальное внимание к другим странам и субрегионам бывшего СССР. Фактически можно говорить о том, что с началом Украинского кризиса «коллективный Запад» отказался признавать за Россией «особые права» на постсоветском пространстве. Подобный формат негласно действовал в 1990-х гг. и с большими оговорками в начале XXI в.

С развитием Украинского кризиса и нового этапа «дилеммы интеграций» пространство для маневра у России на постсоветском пространстве серьезно сужалось. Можно сказать, что Москва оказалась перед выбором дальнейшей модели политики в регионе. С одной стороны, в условиях перманентного вмешательства внерегиональных акторов в постсоветский период в традиционные для России сферы геополитических и геоэкономических интересов (европейская часть постсоветского пространства, Закавказье, Центральная Азия, ранее – Прибалтика) дальнейшее развитие событий в таком ключе привело бы в итоге к «сложению полномочий» регионального лидера без перспективы их дальнейшего восстановления. Второй вариант предполагал активное сопротивление экспансии коллективного Запада [3, с. 135].

Действия России продемонстрировали, что была сделана ставка на постепенную реализацию второго сценария. Однако этот процесс существенно осложнялся влиянием Украинского кризиса, усугубившего раскол постсоветского пространства, а также повлиявшего на позиции руководства ключевых союзников Москвы в регионе – Беларуси и Казахстана. Прежде всего, это касалось проблемы восприятия в этих странах событий в Крыму и Донбассе, поскольку элиты постсоветских государств традиционно с настороженностью относились к любым серьезным изменениям в региональных процессах [1].

В целом, можно выделить два ключевых направления, в рамках которых Россия активизировала свою деятельность на постсоветском пространстве. Первое касалось непосредственно Украинского кризиса, в котором Москва выступала в качестве одно из главных акторов, формально не являясь при этом, например, стороной конфликта в Донбассе. В течение практически 8 лет именно неурегулированность ситуации с Донецкой и Луганской народными республиками не позволяла Украине сосредотачивать основные политические ресурсы на теме вступления в ЕС и НАТО. Неспособность и неготовность Киева решить конфликт в Донбассе путем переговоров, потенциальных уступок и компромиссов затягивали кризис.

Второе направление политики России на постсоветском пространстве заключалось в активизации реализации евразийского интеграционного проекта, апогеем чего на данный момент стало создание Евразийского экономического союза [2, с. 28–30, 152–153]. Отдельного упоминания также

заслуживает интенсификация строительства Союзного государства России и Беларуси, начавшаяся в конце 2020 г. [4]. Кроме того, Россия усилила взаимодействие со своими стратегическими внерегиональными партнерами в рамках ШОС и БРИКС, что также способствовало укреплению статуса лидера постсоветского пространства.

С началом Специальной военной операции (СВО) России на территории Украины «ставки в игре» на постсоветском пространстве были максимально повышены. От исхода и итогов нынешнего этапа Украинского кризиса во многом зависит как будущий статус России, так и расклад сил на постсоветском пространстве и в действующей системе международных отношений в целом. В настоящее время (середина апреля 2022 г.) о будущей конфигурации территории бывшего СССР можно лишь предполагать, однако уже сейчас ясно, что перспектива существования постсоветского пространства в качестве цельного региона зависит именно от результатов СВО. Перечень прогнозов и сценариев достаточно широк, однако наиболее радикальные варианты предполагают либо консолидацию большей части постсоветского пространства вокруг России и евразийского интеграционного проекта, либо дальнейшую фрагментацию и окончательный распад региона.

Источники и литература:

1. Белашенко, Д.А. Последствия Украинского кризиса для постсоветского пространства: проблема восприятия России / Д.А. Белашенко, И.Ф. Шоджонов // Национальные интересы и внешняя политика России: история и современность. Сборник материалов VI-й Всероссийской научной конференции / отв. ред. А.Н. Сквозников. – Самара : Самарская гуманитарная академия, 2018. – С. 11–17.
2. Внешняя политика стран СНГ : учеб. пособие для студентов вузов / ред.-сост.: Д.А. Дегтерев, К.П. Курылев. – М. : Аспект-Пресс, 2019. – 496 с.
3. Дурдыева, А.А. Дилемма интеграций на евразийском пространстве в контексте украинских событий / А.А. Дурдыева // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 3 (42). – С. 134–137.
4. Шаншиева, Л.Н. Беларусь и украинский кризис в контексте региональной безопасности [Электронный ресурс] / Л.Н. Шаншиева // Проблемы европейской безопасности. – 2016. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/belarus-i-ukrainskiy-krizis-v-kontekste-regionalnoy-bezopasnosti>. Дата доступа: 17.04.2022.

О ВОПРОСЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫМ ЗАПАДОМ НА РЕСПУБЛИКУ БЕЛАРУСЬ

О.О. Лемешевский, Д.С. Белькевич (Минск)

Современный мир беспрецедентно открыт. Ещё 25 лет назад коммуникативные способности были на порядок ниже современных. Огромный вклад в возможность каждому человеку владеть информацией внес интернет. Он сделал общение между людьми оперативным и открытым. На этом фоне можно наблюдать появление масштабных площадок для общения и передачи информации с большим уровнем социального проникновения – различные форумы, блоги, социальные сети (Facebook, Instagram, Telegram и др.), которые начали одерживать верх над своими предшественниками (радио, газеты, телевидение) [2].